

сти. Дело скорее в том, что Китай, для всего остального мира ранее — иррациональный механизм с очень странными всплесками эффективности и неэффективности, очень быстро превращается в нечто понятное и, во всяком случае, более предсказуемое. Одно дело — когда вы имеете дело с экспансионистским в экономическом аспекте социалистическим государством с сильным рыночным сектором, но с плановой экономикой, в последние два десятилетия вкладывающимся в половину глобуса с не всегда понятными, но часто военно мотивированными целями. Другое дело — когда вы имеете дело с почти обычным полуавторитарным государством, чествующим предположительно пожизненно-го вождя и руководствующимся общеизвестными для таких экономик принципами «вертикали власти». В октябре 2017 года загадочный Китай к облегчению половины мира сделал шаг в сторону государства, от которого примерно понятно, чего ожидать, — и это «понятно», если в Китае не случится через пять лет своего «XX съезда» (съезд КПК в любом случае будет двадцатым), предполагает постепенное упрощение мировой экспансии Китая.

Итак, с одной стороны — Дональд Трамп с его America First, с другой — Си Цзиньпин, следующие годы которого будут, видимо, посвящены укреплению власти его команды внутри огромного Китая. Первая и вторая экономики мира так или иначе в ближайшие годы заняты своими делами. А что с этого всего остальному миру?

Саммиты АТЭС и АСЕАН демонстрируют в первую очередь осознание этих обстоятельств — и понимание выгод, которые Юго-Восточной Азии в широ-

Очевидно, что будущей «Юго-Восточной Азией» может стать что-то среднее между азиатскими участниками АТЭС и АСЕАН

ком смысле может принести происходящее. Сложно сказать пока, какой набор участников в итоге сложится в политико-экономическую коалицию азиатских стран, способных выступать в качестве самостоятельного группового игрока. Очевидно, что будущей «Юго-Восточной Азией» может стать что-то среднее между азиатскими участниками АТЭС и АСЕАН. Зато понятно, что нового дает эта конструкция. В первую очередь претендентами на ключевое партнерство или лидерство в будущей «Юго-Восточной Азии» выступают Япония и Южная Корея (причем скорее в альянсе, чем в противостоянии) и Австралия как важнейший сырьевой и технологический партнер АТЭС. В раскладе будут иметь большое значение Индия как рынок сбыта, Россия и страны Персидского залива как поставщики энергоресурсов. Кроме того, куда не денется и взаимодействие с США, Китаем и Евросоюзом.

Но что может представлять собой будущая «большая Юго-Восточная Азия» в экономическом плане? В среднесрочной перспективе это — наиболее вероятная замена Китаю в мировой экономике

и объект глобальных прибыльных инвестиций, важная часть будущей «мастерской мира». ЮВА как самостоятельный игрок — в первую очередь рынок огромной емкости, сравнимый с китайским по масштабу, но очень недоинвестированный и при этом сейчас в гораздо большей степени, чем Индия, Африка или Латинская Америка, готовый к масштабному притоку производственных инвестиций. Потенциал ЮВА как промышленной «коллективной сверхдержавы» с точки зрения демографии и трудового рынка сравним только с индийским, причем его сырьевая обеспеченность и интегрированность явно выше.

Кроме того, вопрос о том, что может поставлять на мировые рынки «коллективная сверхдержава», совершенно неочевиден. Пока не определены даже технологические контуры «четвертой промышленной революции». Несмотря на явное желание крупнейших государств их определить собственными стимулирующими госинвестициями, реальность «Индустрии 4.0» будут определять в большей степени не правительства, а советы директоров инвестфондов, международных

банков и транснациональных компаний. А для них Юго-Восточная Азия, по крайней мере потенциально, «новая большая вещь», идет ли речь о новых агротехнологиях и, шире, биотехнологиях, об ИТ, новой мировой логистике, индустрии развлечений и образования или даже о тяжелой промышленности. А тем более когда речь идет о регионе с мягкими внутренними границами, с либеральным инвестиционным, с относительно молодым населением, с готовностью в несколько раз быстрее, чем Китай, совершить то, на что у Китая ушло 40 лет, — очень быстро занять свое место на экономической карте мира.

Новые веяния, кстати, мгновенно почувствовали все потенциальные партнеры. Вряд ли случайно заявление российского премьер-министра Дмитрия Медведева в Маниле о возможности быстрого подписания договора о ЗСТ между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН. Также неслучайна японская активность на саммите АТЭС по возобновлению и продолжению проектов ТТП без США и Китая. С очень большой вероятностью отставание в отношениях с ЮВА будет стремиться наверстать Евросоюз, сейчас занятый преимущественно внутренними проблемами. Со своей стороны и США, и Китай будут стараться перетянуть АТЭС и АСЕАН в сторону собственных проектов. Наконец, и ВТО должна как-то отреагировать в Аргентине на то, что после ослабления интереса к многосторонним интеграционным проектам со стороны США и Китая, по крайней мере в Юго-Восточной Азии (а на деле и в рамках ЕАЭС и Шанхайской организации сотрудничества, и в рамках латиноамериканской МЕРКОСУР, а в перспективе и в Персидском заливе, где объявленные реформы в Саудовской Аравии явно поставят вопрос о возобновлении существовавших до 2008 года планов глубокой торгово-экономической интеграции), идея, положенная в основу этой организации, все больше и больше развивается вне ее институтов. От событий 2008–2014 годов в мировой экономике ждали роста мирового протекционизма и изоляционизма — похоже, что все пошло немного не так. Остается лишь добросовестно думать, какую пользу можно извлечь из заблуждений Дональда Трампа, тщеславия Си Цзиньпина, дешевизны нефти, ИТ-прогресса и прочих обстоятельств, складывающихся в будущее. ●